

Нужна ли проблематизация национальной безопасности в эпоху новых вызовов и угроз?

© Я.В. Михайлов

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Рассмотрен феномен национальной безопасности в контексте меняющегося мирового порядка, глобализации и детерриторизации как глобальных мегатрендов. Поставлен вопрос о возможности деактуализации национального уровня исследований безопасности. Исследован понятийный ландшафт концепта национальной безопасности, упорядочены и проанализированы традиционные и новые вызовы государству, усложняющие политику обеспечения национальной безопасности. Сделан вывод о том, что в переосмыслении нуждаются концепции, источники, методы и виды политики национальной безопасности, позволяющие уточнить концептуальные представления о стратегических приоритетах государства в области национальной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, национальное государство, суверенитет, стратегическая культура, традиционные угрозы, новые угрозы

Для современного мира свойственно чрезвычайное усложнение среды международной и глобальной безопасности как «характера и состояния международных отношений, которые изменяются под воздействием участия в них различного рода акторов (системных и несистемных), а также под воздействием окружения и условий, в которых существуют и взаимодействуют все компоненты мировой политики» [1, с. 96]. Долгое время структуры ООН, и прежде всего Совбез ООН, предполагали, что путь к достижению глобальной безопасности лежит через кооперацию государств, а это является основой для развития мира и демократии. Сформировалась особая философия безопасности, где безопасность «понималась как сложная социальная система, для которой характерно наличие структуры элементов, находящихся в диалектических взаимосвязях и отношениях» [2, с. 69].

В XXI в. произошел сдвиг в понимании безопасности в сторону субсидиарности: мировое сообщество больше не берет на себя функции защиты государств, а создает возможности для них самих, их союзов, рассчитывая на то, что государства сами должны заботиться о себе и только потом прибегать к помощи мирового сообщества. Это обусловлено рядом особенностей, отличающих существующий мировой порядок, которые отмечает Р. Вайрунен [3]. В мире одновременно сосуществуют три тенденции: к *глобализации*, которая в итоге

приводит к большой конвергенции отдельных культур и обществ, к *фрагментации* как реакции на централизацию экономической власти и безопасности в государствах и к *росту антигосударственных сил*. Особый интерес представляет последняя тенденция, когда перестают существовать государственные и межгосударственные структуры и общества становятся организованными не государствами, а «удельными князьями», структурирующими свои территории по «феодальным» направлениям. В таких обществах нет командных центров и, следовательно, нет координационного потенциала, государства существуют лишь в мятежной форме, и деятельность их политической системы направляется вненациональными силами. Государства, в которых власти не смогли обеспечить своим гражданам адекватное экономическое развитие и физическую защиту, могут успешно и долго существовать в отдельных регионах мира, особенно на Ближнем Востоке и на Африканском континенте. Вайрунен называет это «новым средневековьем» [3].

Кроме того, ослабление национальных государств, связанное с проблемами миграции, глобализации капитала, интенсификации процессов интеграции, ведет к детерриторизации и угрозам потери национальной идентичности, что нивелирует значимость понятия нации как согражданства и в итоге бросает вызов самому концепту национальной безопасности. В нем измерения внешней и внутренней политики все более сближаются, что размывает ядро его проблем, находящееся в точке пересечения задач обеспечения безопасности государства и общества. Последнее чрезвычайно важно, ведь государство несет ответственность не только за себя самого, но и за общество. Национальная безопасность является не только политологическим, но важным философским концептом. Защищенность нации означает минимизацию риска индивиду, соблюдение принципов справедливости, обеспечение каждому человеку достойное его существование, жизни без страха. Обеспечение безопасности общества является жизненной необходимостью, способом самосохранения государства. Например, в США в 2002 г. с открытием в Department of Homeland security (DHA) официально введен в научный оборот и политический словарь термин «внутренняя безопасность» (Homeland security). В 2007 г. был принят документ National Strategy for Homeland security («Национальная стратегия внутренней безопасности»). Буквальный перевод Homeland security — безопасность отечества. Он отличен от термина «национальная безопасность», который впервые употребил президент США Теодор Рузвельт в 1904 г. и который был связан с угрозами национальным интересам прежде всего из-за рубежа. Homeland security есть обеспечение состояния защищенности «государства, штатов, племен, локальных, территориальных, неправительственных

и частных организаций, а также отдельных лиц, семьи и сообществ, разделяющих общий национальный интерес в благополучии и безопасности Америки и американского населения» [4, с. 3]. Все это опасно проблематизирует концепт национальной безопасности в теоретических исследованиях безопасности и в реальной политической практике, в том числе в силу радикально разных интерпретаций концепта национальной безопасности политическими элитами и решений, принимаемых ими для защиты своих государств. Конечно, было бы неправильно предполагать, что национальная безопасность подвергалась сомнению, есть целый ряд работ по политике национальной безопасности разных стран, в том числе ведущих держав мира, таких как Россия, США, Китай. Тем не менее можно ли утверждать, что национальный уровень исследований безопасности теряет свою актуальность, а сам концепт национальной безопасности требует серьезного переосмысления? В этом заключается ключевой исследовательский вопрос статьи.

Понятийный ландшафт концепта национальной безопасности. В упорядочении понятийного ландшафта концепта национальной безопасности будем опираться на постструктуралистский подход дискурсивного анализа, связывая понятия «национальное государство», «суверенитет», «статус и престиж государства», «стратегическая культура» и «стратегическое поведение». В рамках данной статьи нет возможности провести полный анализ этих понятий, поэтому акцентируем внимание только на тех аспектах, которые прямо относятся к проблеме.

Прежде всего понятие национальной безопасности соотносится с понятием национального государства [5, с. 146–172]. Дискуссия о «смерти» последнего, превращении его в анахронизм имеет в современной академической науке длинную историю. В фундаментальных работах, таких как изданная под редакцией Ч. Тили коллективная монография «Формирование национальных государств в Западной Европе» [6], в труде П. Эванса, Д. Ройшмеера и Т. Скочпол «Возвращаясь к государству» [7] и в ряде других, был аргументирован тезис о том, что государство является платформой мирового порядка, а любая нация нуждается в том, чтобы чувствовать себя единым общим. В связи с этим национальная безопасность должна быть сосредоточена на поиске и ликвидации «уязвимостей, как внутренних, так и внешних, которые могут разрушить или ослабить государственные структуры и правящие режимы» [8, с. 9]. Поэтому органам обеспечения национальной безопасности разных государств необходимо уравновесить множество часто конкурирующих угроз, идущих и от внешней среды (транснациональный терроризм, например), и от внутренней, среди которых в том числе экстремизм или гражданское

неповиновение в авторитарных государствах. Для этого необходимо, чтобы государственные институты, задействованные в обеспечении национальной безопасности, могли выжить в любых обстоятельствах, что, в свою очередь, требует создания адаптивной политики безопасности, трезвого расчета национального потенциала, точной диагностики проблем.

Следующее системообразующее понятие концепта национальной безопасности — национальный интерес, который включает в себя физическую безопасность своей территории и граждан, процветание своего народа и сохранение национальных ценностей, культуры и образа жизни. Ценности нации также могут влиять на ее концепцию национальных интересов, безопасность «в объективном смысле измеряется отсутствием угроз приобретенным ценностям, а в субъективном смысле — отсутствием страха, что такие ценности будут атакованы» [9, с. 150]. Теория национального интереса хорошо развита в науке о международных отношениях, широко известны работы М.А. Хрусталева [10], Дж. Франкела об уровнях исследования национального интереса [11, с. 15–28], Д. Ньючтерлейна, разделившего национальные интересы на четыре основные категории [12, с. 246–266], Д. Сингера, выявившего диалектику внешней среды и внутренних ресурсов государства как детерминант его поведения на мировой арене [13, с. 77–92].

Еще одно понятие, значимое для исследования национальной безопасности, — концепция национального суверенитета [14]. Сегодня споры вокруг понятия национального суверенитета чрезвычайно запутаны. Показателен так называемый Монтеррейский консенсус, оформленный в 2002 г. в рамках международного форума ООН. Смысл этого консенсуса — опора развивающихся стран на сильное государство, что означает отмену неограниченного суверенитета, ведь чтобы помочь таким странам построить сильное государство, необходимо нарушить их суверенитет. Это «делает неизбежным глубокий пересмотр самой концепции государственного суверенитета, которая лежит сегодня в основе системы международных отношений. По сути, принципу незыблемости и неограниченности государственного суверенитета, как он был известен во второй половине XX в., в новом столетии места не находится. Вопрос лишь в том, в какую сторону будет изменяться официальное понимание государственного суверенитета» [15]. Хорошей иллюстрацией этой проблемы являются программы ответственности за защиту (The Responsibility to Protect, R2P) и защита гражданского населения (The Protection of Civilians, POC), входящие в общую категорию гуманитарных интервенций. Они появились в 1991 г., когда Франция внесла на рассмотрение в ООН концепцию гуманитарного вмешательства, согласно которой военные

действия в государствах могут осуществляться вопреки желаниям их правительств.

В 1999 г. Совет Безопасности ООН включил в повестку дня вопрос о защите гражданских лиц в вооруженном конфликте (РОС), официально признав РОС проблемой международного мира и безопасности. Резолюция 1265 — первая резолюция Совета по РОС — устанавливает параметры основополагающих элементов РОС: ведение боевых действий в соответствии с действующим международным правом и соответствующими решениями Совета Безопасности ООН; облегчение доступа к гуманитарной помощи; защита вынужденных переселенцев, женщин и детей; обеспечение защиты посредством миротворческих операций ООН.

Основные положения концепции «ответственности за защиту» (R2P) закреплены в Итоговом документе Всемирного саммита ООН 2005 г. и заключаются в необходимости противодействия геноциду, военным преступлениям, этническим чисткам и преступлениям против человечности. В основу всех концепций заложен принцип защиты прав человека, они опираются на различные аспекты Международного уголовного права, международного права беженцев, резолюций Совета Безопасности и международного гуманитарного права. Различие заключается в том, что РОС имеет широкий фокус защиты, а R2P применяется только к грубейшим нарушениям прав человека, перечисленным выше. Кроме того, R2P оставляет возможности для превратной трактовки и использования концепции для целей, далеких от обеспечения гуманитарной безопасности, скорее она направлена на вторжение в другое государство, пренебрегает суверенитетом государств и может быть использована для агрессии против государства под предлогом защиты прав человека. Проблема в том, что концепции R2P и РОС предполагают легитимное применение силы и правовое основание для вмешательства государства или группы государств во внутренние дела суверенного государства. И хотя ключевую роль здесь играет СБ ООН как легитимный орган, принимающий важнейшее решение, тем не менее это решение ставит проблему нарушения суверенитета государства. С точки зрения автора статьи, для исследований национальной безопасности наиболее оптимальным является определение суверенитета, данное Э.Л. Кузьминым, это «вполне осязаемое качество, реально проявляющее себя в наборе прав, возможностей и гарантий, обеспечивающих в обществе именно государству особый, уникальный статус по сравнению с другими политическими институтами (верховенство), равно как и в международном сообществе (независимость)» [16, с. 86].

Важными понятиями, входящими в корпус исследований национальной безопасности, являются понятия мощи государства, его

статуса, т. е. места в мировом порядке, и престижа. Мощь государства зависит от категорий и компонентов его силы, прежде всего военной, экономической и культурной. В концепциях расчета совокупной мощи государства П. Кузнецова, Р. Клайн, Хуа Шофэна принимаются во внимание самые разные переменные, от мягких до жестких [17]. Статус государства в мировом порядке как системе международной безопасности и поддержания мира определяется его ресурсами [18]. «Можно выделить несколько их типов: материальные (финансовые, технологические, военные), культурно-информационные (восприятие страны на международной арене, каналы и содержание информационных сообщений) и организационные (союзы и объединения)» [19, с. 23–37]. Престиж государства детерминирован его действиями на мировой арене, укрепляющими его текущий имидж и способствующими созданию имиджа желаемого [20, с. 12].

Наконец, значимым элементом исследования национальной безопасности является стратегическая культура, а именно то, как культура нации может влиять на общую стратегию, военную организацию, политику безопасности и обороны государства [21]. При этом во внимание берутся различные аспекты культуры (политические, организационные, стратегические и глобальные), которые определяют варианты обеспечения национальной безопасности.

Термин «стратегическая культура» был введен Дж. Синдером, который определил ее как «совокупность идей, ситуационных ответов и моделей поведения, которые члены национального стратегического сообщества приобрели в процессе обучения, копирования и передачи друг другу» [22, с. 8]. Руна Дас указывает на эволюцию последовавших за Синдером трех поколений исследователей стратегической культуры [23, с. 472–496], которые изменялись от понимания ее как «поведения, которое более или менее специфично для географически обособленного сообщества безопасности», до «доминирующих национальных убеждений», т. е. как особого национального «коллективного» стиля реагирования на угрозы [24]. К инструментальному объяснению стратегической культуры, основанному на утверждении, что «декларативные» стратегии (то, что лидеры декларируют) и «операционные» стратегии (более глубокие мотивы их решений) объясняют состояние политики национальной безопасности [25, с. 97–109]. Здесь важно значение риторики в анализе стратегической культуры и поведения, а также межнациональные вариации стратегической культуры. И, наконец, следующее поколение сосредоточило внимание на акцентировании роли идей и символов в объяснении принятия стратегических решений [26, с. 32–64]. При этом необходимо подчеркнуть, что концепция «стратегической культуры» весьма неоднозначна, она пересекается с концепциями «международной

идентичности» и «стратегической практики» государств, требующих отдельного исследования.

Краткий обзор ключевых элементов, составляющих ландшафт национальной безопасности, позволяет сделать вывод о том, что концепт национальной безопасности находится в «эпицентре» как реальной политики, так и теоретических исследований безопасности, и служит дополнительной объяснительной силой происходящих в мировой политике процессов.

Традиционные и новые вызовы государству. Долгое время в исследованиях безопасности национальная безопасность понималась как *realpolitik*, свойственная политическому реализму. Содержание понятия «национальная безопасность», т. е. данные о существенных и иных ее признаках, включало в себя четко определенное множество суждений о способах, которыми государства могут защищать свои интересы от реальных и потенциальных угроз. Национальную безопасность в этих рамках можно определить «как способность силой противостоять агрессору из-за рубежа» [27, с. 155], здесь она понимается как защищенность государства от любых угроз, но главным образом с помощью силы. В национальную безопасность входят традиционные пять секторов обеспечения безопасности государства: военный, политический, социетальный, экономический и экологический, обозначенные Б. Бузаном в работе «Люди, государства и страх» [28]. В приоритете остается военный сектор, именно его эффективность всегда детерминировала выживаемость государства. Однако поток критических исследований безопасности, а именно дискурсы Копенгагенской, Уэльской и Парижской школ, сформировали альтернативный взгляд на принципы и приоритеты политики национальной безопасности и ее агентов [29]. Копенгагенская школа ввела понятие сэкьюритизации: «Безопасность подразумевает как принудительные средства для подавления агрессора, так и всевозможные убеждения, подкрепленные перспективой взаимных выгод, нужных для того, чтобы превратить враждебность в сотрудничество» [30, с. 25]. Уэльская школа — понятие эмансипации как освобождение людей от физических и социальных ограничений, которые мешают им выполнять то, что они хотели бы делать свободно [31, с. 318]. Парижская школа акцентировала значимость дискурса в исследованиях безопасности. «Если люди осознают проблему, которая каким-то образом угрожает их жизни, и политически на нее реагируют, то эту проблему следует рассматривать как проблему безопасности» [32, с. 10]. По сути, это означает, что объем понятия «национальная безопасность» — множество предметов, которое мыслится в нем, — стал чрезвычайно широк и начал диссонировать с его содержанием. В диапазон референтов безопасности вошел сам человек — государство может включать все элементы обеспечения безопасности человека (гуманитарной

безопасности) в свою официальную политическую доктрину национальной безопасности. Появились нетрадиционные угрозы [33], например, медицинская безопасность, ведь болезни представляют собой прямую угрозу национальной безопасности. Кроме того, реальная вероятность террористических атак с использованием биологических агентов повысила значимость биобезопасности для государств. Еще одна нетрадиционная угроза — транснациональная преступность, в частности, незаконный оборот наркотиков, торговля людьми, отмывание денег поверх национальных границ, организованная преступность, прямо связанная с терроризмом. Одна из самых актуальных проблем среди нетрадиционных угроз национальной безопасности — обеспечение кибербезопасности. Способность управлять информацией, контролировать знания, убеждения и идеи так же важна для достижения безопасности государства, как и материальные ресурсы. Кроме того, важный аспект нетрадиционных угроз национальной безопасности — угрозы национальной идентичности. Хотя конструктивисты полагают, что идентичность не закреплена во времени и пространстве, а открыта для изменений и пересмотра, тем не менее социетальная безопасность государства критически важна для его выживания, что акцентирует значимость исследования роли государства в пропаганде и защите национальных ценностей. Риски утери национальной идентичности есть в каждом из пяти выделенных Бузаном секторов безопасности государства: в военном секторе их рожают внешние угрозы; в политическом — внутренние угрозы репрессий и экстремизма; в экономическом — недостаток средств воспроизводства идентичности; в экологическом — разрушение симбиоза территории проживания, образа жизни и культуры, обусловленной окружающей средой и идентичностью. Деградация окружающей среды и глобальное потепление, засухи, наводнения, повышение уровня моря — все это факторы, тоже требующие ответных мер от государства в политике национальной безопасности.

В целом можно утверждать, что содержание определенного множества нетрадиционных угроз в начале XXI в. заметно изменилось практически для всех держав мира, одновременно с секьюритизацией их правительствами многочисленных проблем, которые носят транснациональный, прежде всего экологический и экономический характер. Это вновь акцентировало значимость государства как референта безопасности и подчеркнуло необходимость углубления знаний о национальной безопасности [34, с. 13].

Таким образом, задача разработчиков национальной безопасности любого государства заключается в формулировании национальных интересов и стратегии поведения страны в международной среде. Безусловно, в условиях жесткой конкуренции за влияние в регионе общего соседства (например, Россия и страны ЕС) и в трансатлантическом

пространстве (например, США и страны ЕС) возможности государств в одиночку выявлять, классифицировать и реагировать на вызовы и угрозы стали существенно меньше. Приходится рассматривать межнациональные вариации обеспечения собственной безопасности, выходить там, где необходимо, за рамки национальной однородности, передавать часть своего суверенитета, вступать в альянсы и союзы. Этим объясняется поставленный в статье вопрос о возможной деактуализации национального уровня исследований безопасности, требованиях серьезного переосмысления концепта национальной безопасности. Полагаем, что на него можно ответить следующим образом: исследование национальной безопасности не просто актуально, а необходимо, но при этом в тщательном изучении и переосмыслении, особенно в сравнительном контексте, нуждаются концепции, источники, методы и виды политики национальной безопасности. Важно выявить сходства и различия, существующие в подходах к элементам ее ландшафта, определить шкалу приоритетных ресурсов для их решения, что позволит по-новому взглянуть на национальный уровень исследований безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Цыганков П.А. *Теория международных отношений*. Москва, Гардарики, 2003, 590 с.
- [2] Литвинов Э.П. Философские основы концепции безопасности. *Пространство и Время*, 2012, № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-osnovy-kontseptsii-bezopasnosti> (дата обращения 15.10.2023).
- [3] Väyrynen R. Models of a New World: towards a Synthesis. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 2019, vol. 12, no. 3. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-3-189-206>
- [4] *Quadrennial Homeland Security Review Report: A Strategic Framework for a Secure Homeland*. Washington, Department of Homeland Security, 2010, 108 p.
- [5] Малахов В.С., Тишков В.А., Яковлева А.Ф., ред. Современное национальное государство и культурное многообразие: концепции и правовые рамки Совета Европы. *Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире*. Москва, Институт Философии РАН, 2011, 266 с.
- [6] Tilly Ch. *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, Princeton University Press, 1975, 711 с.
- [7] Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. *Bringing the State Back In*. Cambridge, Cambridge University Press, 1985, 390 с.
- [8] Ayoob M. *The Third World Security Predicament: State Making, Regional Conflict and International System*. Boulder, USA, Lynne Rienner Publ., 1995, 216 с.
- [9] Wolfers A. *Discord and Collaboration: Essays on International Politics*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 1962, 283 p.
- [10] Хрусталева М.А. *Основы теории внешней политики государства*. Москва, Наука, 1984, 80 с.
- [11] Frankel J. *National Interest*. London, Pall Mall, 1970, 173 p.

- [12] Nuechterlein D.E. National interests and foreign policy: A conceptual framework for analysis and decision-making. *Review of International Studies*, 1976, vol. 2, no. 3, pp. 246–266.
- [13] Singer D. The Level-of-Analysis Problem in International Relations. *World Politics*, 1961, vol. 14, no. 1, pp. 77–92.
- [14] Weber C. *Simulating Sovereignty: Intervention, the State, and Symbolic Exchange*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995, 147 с.
- [15] Федюкин И. Монтеррейский консенсус. *Полит.ру*. URL: <https://polit.ru/article/2002/03/25/479388> (дата обращения 28.10.2022).
- [16] Кузьмин Э.Л. О государственном суверенитете в современном мире. *Журнал российского права*, 2006, № 3, с. 84–94.
- [17] Балахонцев Н. *Зарубежные методы оценки потенциала стран*. URL: http://factmil.com/publ/obshhee/analiz/zarubezhnye_metody_ocenki_potenciala_stran_2010/71-1-0-367?ysclid=lbo2isu7vl230218088 (дата обращения 05.11.2022).
- [18] Paul T.V., Larson D., Wohlforth W., eds. *Status in World Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2014, 320 p.
- [19] Смирнов В. Международные истоки поведения элит. *Международные процессы*, 2016, т. 14, № 2. DOI: 10.17994/IT,2016.14.2.45/2
- [20] Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. Москва, Дашков и К°, 2019, 272 с.
- [21] Katzenstein P.J., ed. *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. New York, Columbia University Press, 1996, 562 с.
- [22] Snyder J. *The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options*. Santa Monica, CA, Rand Corporation, 1977, 40 p.
- [23] Das R. Strategic culture, identity and nuclear (in)security in Indian politics: Reflections from critical constructivist lenses. *International Politics*, 2010, vol. 47, no. 5, pp. 472–496. <https://doi.org/10.1057/ip.2010.19>
- [24] Gray C. National style in strategy: The American example. *International Security*, 1981, vol. 6, no. 2, pp. 21–47.
- [25] Klein B. The textual strategies of the military: Or have you read any good manuals lately In: J. Der Derian, M. Shapiro, eds. *International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics*. New York, Macmillan, 1989, 353 с.
- [26] Johnston A. Thinking about strategic culture. *International Security*, 1995, vol. 19, no. 4, pp. 32–64.
- [27] Luciani G. The Economic Content of Security. *Journal of Public Policy*, 1988, vol. 8, no. 2, pp. 151–173.
- [28] Buzan B. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. 2 ed. London, Harvester Wheatsheaf, 2007, 262 p.
- [29] Buzan B., Hansen L. *The evolution of international security studies*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009, 384 с.
- [30] Kolodziej E. *Security and International Relation*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, 349 p.
- [31] Booth K. Security and Emancipation. *Review of International Studies*, 1991, vol. 17, no. 4, pp. 313–326.
- [32] Hough E. *Understanding Global Security*. USA, Routledge, 2008, 312 p.
- [33] Gueldry M., Gokcek G., Hebron L., eds. *Understanding New Security Threats*. USA, Routledge, 2019, 274 p.
- [34] Rosecrance R., Stein A. *The Domestic Bases of Grand Strategy*. Ithaca, New York, Cornell University Press, 1993, 256 p.

Статья поступила в редакцию 30.12.2022

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Михайлов Я.В. Нужна ли проблематизация национальной безопасности в эпоху новых вызовов и угроз? *Гуманитарный вестник*, 2023, вып. 1.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2023-1-823>

Михайлов Ярослав Владимирович — аспирант очной формы обучения кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: Yar997393@gmail.com

Is it necessary to problematize national security in the era of new challenges and threats?

© Ya.V. Mikhaylov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The paper considers the national security phenomenon in the context of the changing world order, globalization and deterritorialization as the global megatrends. The question arises on the possibility of deactualizing national level in the security research. Conceptual landscape of the national security concept was studied; traditional and new challenges to the state complicating the policy of ensuring national security were streamlined and analyzed. A conclusion was made that concepts, sources, methods and types of the national security policy need to be rethought making it possible to clarify conceptual understanding of the state strategic priorities in the national security.

Keywords: national security, national state, sovereignty, strategic culture, traditional threats, new threats

REFERENCES

- [1] Tsygankov P.A. *Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy* [Theory of international relations]. Moscow, Gardariki Publ., 2003, 590 p.
- [2] Litvinov E.P. Filosofskie osnovy kontseptsii bezopasnosti [Philosophical foundations of the security concept]. *Prostranstvo i Vremia — Space and Time*, 2012, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-osnovy-kontseptsii-bezopasnosti> (accessed October 15, 2023).
- [3] Väyrynen R. Models of a New World: towards a Synthesis. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2019, vol. 12, no. 3. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-3-189-206>
- [4] *Quadrennial Homeland Security Review Report: A Strategic Framework for a Secure Homeland*. Washington, Department of Homeland Security, 2010, p. 108.
- [5] Malakhov V.S., Tishkov V.A., Yakovleva A.F., eds. Sovremennoe natsionalnoe gosudarstvo i kulturnoe mnogoobrazie: kontseptsii i pravovye ramki Soveta Evropy [Modern national state and cultural diversity: concepts and legal framework of the Council of Europe]. In: *Gosudarstvo, migratsiya i kulturnyi plyuralizm v sovremennom mire* [The State, Migration and Cultural Pluralism in Contemporary World]. Moscow, Institute of Philosophy of the RAS Publ., 2011, 266 p.
- [6] Tilly Ch. *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, Princeton University Press, 1975, 711 p.
- [7] Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. *Bringing the State Back*. Cambridge, Cambridge University Press, 1985, 390 p.
- [8] Ayoob M. *The Third World Security Predicament: State Making, Regional Conflict and International System*. Boulder, USA, Lynne Rienner Publ., 1995, 216 p.
- [9] Wolfers A. *Discord and Collaboration: Essays on International Politics*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 1962, 283 p.
- [10] Khrustalev M.A. *Osnovy teorii vneshney politiki gosudarstva* [Foundations of the theory of foreign policy of the state]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 80 p.
- [11] Frankel J. *National Interest*. London, Pall Mall, 1970, 173 p.
- [12] Nuechterlein D.E. National interests and foreign policy: A conceptual framework for analysis and decision-making. *Review of International Studies*, 1976, vol. 2, no. 3, pp. 246–266.

- [13] Singer D. The Level-of-Analysis Problem in International Relations. *World Politics*, 1961, vol. 14, no. 1, pp. 77–92.
- [14] Weber C. *Simulating Sovereignty: Intervention, the State, and Symbolic Exchange*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995, 147 p.
- [15] Fedyukin I. Monterreyskiy consensus [Monterrey consensus]. *Polit.ru*. Available at: <https://polit.ru/article/2002/03/25/479388> (accessed October 28, 2022).
- [16] Kuzmin E.L. O gosudarstvennom suverenitete v sovremennom mire [About state sovereignty in the modern world]. *Zhurnal rossiyskogo prava — Journal of Russian Law*, 2006, no. 3, pp. 84–94.
- [17] Balakhontsev N. *Zarubezhnye metody otsenki potentsiala stran* [Foreign methods of assessment of country capacity]. Available at: http://factmil.com/publ/obshhee/analiz/zarubezhnye_metody_ocenki_potenciala_stran_2010/71-1-0-367?ysclid=lbo2isu7vl230218088 (accessed November 05, 2022).
- [18] Paul T.V., Larson D., Wohlforth W., eds. *Status in World Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2014, 320 p.
- [19] Smirnov V. Mezhdunarodnye istoki povedeniia elit [International sources of elite actions]. *Mezhdunarodnye protsessy — International Trends*, 2016, vol. 14, no. 2. <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.2.45/2>
- [20] Neymark M.A. «Myagkaya sila» v mirovoy politike [Certain aspects of “Soft Power” concept in world politics]. Moscow, Dashkov & K° Publ., 2019, 272 p.
- [21] Katzenstein P.J., ed. *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. New York, Columbia University Press, 1996, 562 p.
- [22] Snyder J. *The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options*. Santa Monica, CA, Rand Corporation, 1977, 40 p.
- [23] Das R. Strategic culture, identity and nuclear (in)security in Indian politics: Reflections from critical constructivist lenses. *International Politics*, 2010, vol. 47, no. 5, pp. 472–496. <https://doi.org/10.1057/ip.2010.19>
- [24] Gray C. National style in strategy: The American example. *International Security*, 1981, vol. 6, no. 2, pp. 21–47.
- [25] Klein B. The textual strategies of the military: Or have you read any good manuals lately. In: J. Der Derian, M. Shapiro, eds. *International/Intertextual Relations: Post-modern Readings of World Politics*. New York, Macmillan, 1989, 353 p.
- [26] Johnston A. Thinking about strategic culture. *International Security*, 1995, vol. 19, no. 4, pp. 32–64.
- [27] Luciani G. The Economical Content of Security. *Journal of Public Policy*, 1988, vol. 8, no. 2, pp. 151–173.
- [28] Buzan B. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. 2nd ed. London, Harvester Wheatsheaf, 2007, 262 p.
- [29] Buzan B., Hansen L. *The evolution of international security studies*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009, 384 p.
- [30] Kolodziej E. *Security and International Relation*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, 349 p.
- [31] Booth K. Security and Emancipation. *Review of International Studies*, 1991, vol. 17, no. 4, pp. 313–326.
- [32] Hough E. *Understanding Global Security*. USA, Routledge, 2008, 312 p.
- [33] Gueldry M., Gokcek G., Hebron L., ed. *Understanding New Security Threats*. USA, Routledge, 2019, 274 p.
- [34] Rosecrance R., Stein A. *The Domestic Bases of Grand Strategy*. Ithaca, NY, Cornell University Press, 1993, 256 p.

Mikhaylov Ya.V., PG, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: Yar997393@gmail.com